

История офортного станка

текст

Николай Опанасенко¹

...Я неторопливо подошел к офортному станку. В нерешительности остановился около него. Меня давно интересовала его конструкция, по виду кустарного, но добротного, со знанием дела изготовленного...

– Если хочешь увидеть процесс печати офорта – листа с металлической пластины, можешь задержаться, – угадал мое настроение Борис Иванович Лебединский. – Временем располагаешь?

– Еще бы... Можно вопрос? Я вижу ваш станок добротным, внушающим авторитет, но в то же время простым до архаичности вальцовым прессом. Не сами ли вы его сделали?

Мастер отвлекся от увесистой папки с бумагой, внимательно посмотрел на меня:

– Что ты имеешь в виду, когда утверждаешь «простой до архаичности»? Могу я узнать?

– Верхний вал установлен в подшипники скольжения – бронзовые «сухари», а не в шарикоподшипники, что было бы современнее. Опирается он не на вертикально регулируемую подвеску, а свободным грузом лежит на талере. Рабочая сила давления сообщается талеру опять же через «сухари» ходовыми винтами в несущих стойках слева и справа. Винты не синхронизированы. Сам верхний вал жестко закреплен в штурвальной втулке и вращается посредством радиальных рычагов, что требует от гравера-печатника не только сноровки, – при установленной силе давления на талер важна выровненная скорость вращения вала, – но и недюжинная физическая сила требуется,

чтобы «прокатать» гравюру.

– Просто детектив! – улыбнулся Бори Иванович. – Никому не рассказывал, а тебе поведаю... Так вот об офортном станке, с вальцовым прессом, как изволил ты выразиться. Роскошь эта – дело случая, удачи, риска, драматизма и одержимости. Романтики не только нынче водятся, они на Руси всегда были. Вот и я в 1916 году молодым человеком, только что обретшим знания и некоторый опыт у известного графика Матэ, живописцев Рериха и Рылова, написавшись высокими идеалами творчества в Петербурге, в разгар мировой бойни ринулся в Сибирь, к Байкалу. Мне необходим был вдохновенный масштабный материал, хорошо бы при добротных технологиях.

Но, как известно, мы предполагаем, Господь располагает. Раскрутилась карусель братоубийства, поруганий и разрушений. Царствование на Руси сменилось Временным правительством. Временное правительство сменилось властью Советов. Власть Советов низвергнулась в Иркутске белогвардейской армией Колчака. Стрельба, пальба, разбой, патрули – военное положение, надо было очень осторожно. Но война – войной, а музе на виду тоже быть хочется. Давняя мечта моя иметь в личном распоряжении добротный офортный станок оставалась при мне, дождалась случая. И случай такой подвернулся. Сказано от Матфея, глава 6: «Просите, и дадено будет вам; ищите и найдете; стучите, и отворят вам».

С приходом в Иркутск армии Колчака сформировалось и обще-

ственное противостояние сменившемуся порядку. Часть рабочих, привлеченцев советской власти, ушла в тайгу партизанить. Диверсии были нередкими. И однажды на подходе железнодорожных путей к Иркутску рабочими боевиками был пущен под откос товарняк. Состав тот, как обнаружилось позже, был порожний и перемещался в Иркутск для резервных армейских перевозок. Но взрыв путей был такой силы, что середину состава, куда пришелся главный заряд «бомбы», разнесло в щепу. Место диверсии безлюдное. Полотно путей проложено по низкорослой, заросшей, заболоченной тайге. Насыпь из горного диабазы, гравия, песка и речной гальки высилась над низиной в два этажа городской застройки. И с этой верхотуры искроверканный состав, ломаясь, круша самого себя, коверкая металлическую арматуру теплушек, платформ, выкручивая несущие рамы, срезая с осей колесные пары, низвергнулся в тартарары.

По какой надобности и каким образом принесло меня к месту крушения, сам того не ведаю, до сих пор вразумительно объяснить неразумность свою не могу. Я был молод, наверное, авантюрен, не без амбиций, конечно. Помню казенную двуколку производства иркутских обозных мастерских. Мужичка вспоминаю, согласившегося подбросить меня до кордона: «Далее, паря, ни-ни. Рисково. Казакам знамо их дело: ихний штык – и душа с тебя вон. И не упрашивай».

Когда добрался я до места крушения, войскового оцепления еще не было, и картина рукотворного «апока-

1. Николай Астафьевич Опанасенко (род. 1936) – кинооператор и живописец, член Союза художников СССР, член Союза кинематографистов России, лауреат премии губернатора Иркутской области. В 2006 году издал своими руками книгу «Произведение» (http://irkipedia.ru/content/opanassenko_nikolay_astafevich), отрывок из которой мы публикуем.

липсиса» вообразилась мне во всем ее ужасе. Поодаль пыхтел, словно бы виноватился, тяжелый паровоз, проскочивший убийственный «сюрприз». К его тендеру, подрагивая в такт чиху выпускного пара, теснились два уцелевших вагона – почтовый и теплушка, с несколькими солдатами охранения, от взрыва теперь одуревших и нестроевых. Без вести пропали кондуктор и дневавшийся с ним стрелок, они исчезли вместе с тамбуром хвостового вагона состава, где в соответствии с инструкциями им и предписывалось находиться.

Я прошел вдоль ближайшей груды лома. Занималась тлением щепа просушенной сквозняками, солнцем и временем сосновой вагонки. Чадили черным дымом сальники подшипников рассыпанных колесных тележек. И вдруг, не веря глазам своим, узрел я то, что было моему офортному станку идеалом. Совсем самостоятельно, свободный от технологических наворотов, передо мной лежал готовый вал – полированная стальная ось. «И что мне делать?!» – засуетился нервно я. Увидел озабоченного путейца. «Слушай, нельзя ли как-нибудь приходить железку, для прямого назначения уже точно не годную, а мне она до крайности как нужна?» – взмолился я перед железнодорожником как перед святым. Мужик глянул на меня отчужденно, не соображая, видимо, о чем ему этот пижон. Осмыслив, сердито отмахнулся и зло отрезал: «И не удумай. Железяка теперь, может, и никчемная, разве что кузнецу на радость, да только тебе с ней беды не досчитать». Похоже, я разговаривал со стрелочником. Но какая ось!.. Если ее распилить по середине, получается два тяжеловесных, особо твердых прессовых вала... – Я воображал уже готовую конструкцию. – Такая «машина» Рембранту не снилась. Что Рембранту? Шишкин, сам Матэ оценили бы по достоинству. Вдохновленный, я, осмотревшись, толкнул громоздкую деталь ногой. Железяка шелохнулась, но не сдвинулась. Отворотив дощатый сколок вагонки, орудия им словно ломом, я покати «обретение» ниже, в сторону проросшего у насыпи подлеска, к приречной мною кочке.

Справившись с осью, подложив под нее все еще разогретую вагонную щепу, присыпав гравием, приброем валежник, разметал по месту сухой бурьян. Пока не утрясется разборка с порожняком, никому до моего «припрята» дела не будет. Но как шестидюймовый кругляк с разлетом в колею притаранить в город?..

Вечером отыскал приятеля

Мишку... Да, Михаил Иванович Авилов. Спусти двадцать пять лет, в 1944 году, он напишет прославившую его картину «Поединок Пересвета с Челубеем». Получит за нее Государственную премию СССР, принят будет в состав Академии художеств ее действительным членом, произведен профессором Ленинградского института им. И. Е. Репина. Миша ненамного старше меня, но держался за бывалого человека, слыл искусным живописцем, и ко всему этому мы считались земляками.

«Если арендовать повозку и ночным рейдом вытащить окаянную ось в город?» – я надеялся на помощь друга. «Не вздумай сунуться. Теперь у порушенных путей определенно выставлена охрана. Никому не будет дела до твоих благих помыслов. За мародерство в условиях военного времени расстрел на месте», – остудил легкомыслие Михаил. «Но что-то же делать надо!» – взмолился я. «Надо, – согласился художник, – и самое простое – легализоваться». Затея поначалу казалась абсурдной. Но обивая пороги колчаковских штабистов, набирались мы опыта дипломатии, а с ним укреплялась надежда. И ведь выклянчили дозволение. Нам поручено было «освоить оную железку» для изготовления «механики поворота печатного листа с условием последующего тиражирования с травяных медных пластин разного рода «ценных бумаг» и «временных денежных знаков». Что будет мне потом?.. Но это потом. Теперь же ось в моем распоряжении и доставлена на казенной «фуре» в военные обозные мастерские. А надо сказать, что начальником тех мастерских по военному ведомству служил подполковник Божовский. До революции я успел с ним познакомиться. Надеялся и теперь заручиться его распорядительностью, чтобы железку мою драгоценную не пустили на расков на армейские нужды. Но Божовский, оказалось, исчез за событиями 1917 года, и в корпусах мастерских ощущалось тревожное безначалие.

«Куда прем?» – томимый скукой спросил ездовой. «А давай в кузню», – вспомнил я реплику стрелочника у порушенных путей.

Обработка металла – дело сложное и требует весьма мастеровитой сноровки. Опасаясь, как бы не умыкнули хозяйственные работяги мою затею, я дневал и ночевал при технологии воплощения своего «изобретения». Сталь была высокопрочная. «Вона как звенькает чисто», – похвалил металл пожилой кузнец и уверенно опреде-

лил: «Але не сгубить материю, не перевести ее в стружку, резец не перевести в барахло, – рассуждал он, – надо калению расслабить сталь. Тогда и пилить можно, и ковать легко, и сверлить не в тягость». И распилена сталь на две части – размерные заготовки под верхний и нижний валы. Расточены они проходкой в чертеж на скоростном токарном стане высокотвердым каленым резцом. И снова валы разогреты добела и опущены в лохань с машинным маслом – вернула сталь себе былую твердость, укрытую под благородным воронением. «Не торопи, – подсказывал мастер, – дай металлу отпуск, разгрузи его от напряжений. Опять в печи отогреть его надо. Да осторожно, без перекалу, до буро-красного цвету, и отпущай, остужай на вольном воздухе, не нервничай его».

Круглошлифовальный станок завершил красоту и полезность посвежешему металлу. Два вала сияли начищенным серебром самыми желанными драгоценностями.

Сборка офортного станка из подготовленных деталей много времени не заняла. Не заметили его за увлеченностью конструированием механизма, подгонки функциональных узлов механики и восторгом результатами слесарно-сборочного творчества.

Одержимый делом, не успел я затревожиться обязательствами перед колчаковскими штабистами. В декабре 1919 года рабочие Иркутска при поддержке солдат гарнизона и партизан подняли восстание. С возвращением советской власти чуть было не случилось для меня некоторые неприятности. Заступились знакомые трудяги обозных мастерских. И сгустившаяся было надо мной гроза репрессии пролилась мелким дождем расследования и иссякла за радостью обладания «предметом тиражирования авторской художественной изопродукции». Спасибо рабочему классу. Вот он, этот исторический станок. Бумага готова. Пора делать оттиски...